

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. Атанасова-Соколова

«ГОВОРЯ С ТОБОЮ ЧРЕЗ ПИСЬМО...»¹

Письма М.Н. Муравьева

(Часть I)

Во второй половине XVIII века в русской культуре происходят процессы, в результате которых разные инварианты эпистолярного жанра выдвигаются в качестве доминанты для культуры и литературы рубежа XVIII–XIX вв.

Следует напомнить, что в первой половине XVIII в. письма еще свидетельствовали о том, что, с одной стороны, этот жанр «приватного», культурно-нейтрального бытия выпадал из поля активно перестраивавшейся культуры и поэтому сохранял многие языковые и структурные признаки приказных документов и челобитных предшествующей эпохи. С другой же, – эпистолярному этикету, как формальному признаку обновляющейся социальной коммуникации, приходилось обучаться так же, как учились «чужому» языку новых иерархических отношений. Новый для русской культуры тип письма, прескрипты которого содержались, например, в «Прикладах, како пишутся комплименты разные на немецком языке то есть, писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалетельные, и иные; такожде между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык» (1708)², отгалкивался одновременно от традиции делового письма (челобитной) и от наследия «ученого послания» XVII в. В то же время **письма** подвергались риторизации и языковой регламентации

в соответствии с риторикой социальной коммуникации эпохи и современными ей западноевропейскими языковыми и эпистолярными нормами. Источниками обновления эпистолярных схем, формул и топосов служили в первые два десятилетия века польские и немецкие, а позже – французские образцы эпистолярной техники и практики. Именно эти руководства по написанию писем не только исполняли роль письмовников в традиционном смысле слова, но устанавливали нормы этикета и осмысления социальных взаимоотношений нового типа.

В отличие от них письмовники последующих десятилетий и второй половины века становятся более «функциональными» и конституируют лишь среднюю норму бытового эпистолярного общения. В них даются компилятивные своды теоретических положений риторики эпистолярного стиля (сначала без указаний на источники, позже – со ссылками на французскую эпистолярную теорию, в первую очередь, на «Начальные правила словесности» Ш. Баттё³), а также классификации разных типов писем (с приложением образцов для каждого из них)⁴.

Эти письмовники обучали «элоквенции и казуистике» эпистолярного общения людей, не очень искусных в риторической премудрости. Кроме того, в них давались предписания внешнего этикета, «чинонаблюдения в письме», нарушение которого расценивалось как свидетельство «безграмотности» или как желание нанести оскорбление адресату (например, неопрятностью почерка, видом письма или нарушением ритуала обращения).

По традиции, наиболее строгой регламентации в этих письмовниках подвергалась «общая» (вводная и финальная) часть письма, в то время как «особенная» часть⁵ оставляла адресанту большую свободу построения и изложения. Самые жесткие предписания касались «надписи» (обращения в начале и во «внутренней надписи», поддерживающей иллюзию «разговора»), подписи, оформляемой в соответствии с внетекстовыми отношениями адресанта и адресата, датировки и расположения письма на бумаге (со-

отношения текста и белых полей⁶). Так, среди прочего, в письмах к друзьям датировку (год, месяц, число и место) можно было поставить в самом начале, до обращения. В более официальных письмах следовало дату и место написания располагать столбиком внизу, рядом с подписью. Что касается тематических типов, в письмовниках XVIII века были представлены, главным образом, образцы писем нравоучительного, социально-этикетного, эмоционального и прикладного характера, но почти полностью отсутствовали примеры дружеской и галантно-любовной переписки.

Только к концу века в отдельных письмовниках (в частности, в «Кабинетском и купеческом секретаре» И. Сокольского и в переведенных Н. Новиковым «Кратких правилах» 1788 г.⁷) для бытового письма стали формулироваться впервые требования «литературности» эпистолярного стиля, а в качестве образцовой эпистолярной формы постепенно выдвинулось дружеское письмо. «Система готовых ‘писаний’ на любой, на ‘всякий случай’ <...> становится помехой. Образцы превращались в штампы для изображения ситуаций и поведения человека. <...> В истории жанра начинается полоса вынужденных уступок и компромиссов. Под давлением практики (в частности, дружеского письма 1770–1780-х годов) письмовники ‘санкционировали’ присутствие в частном письме личности адресата»⁸.

Этому способствовало и то, что бытовая эпистолярная культура попала в силовое поле распространения нового языка культурного общения. Начиная с 1740-х годов, параллельно с освоением и утверждением французского в качестве языка светского общения, эпистолярный обиход дворянских домов и усадеб все чаще определялся не русскими, а французскими эпистолярными пособиями, *arts épistoliers*⁹. Притом речь шла не только о том, что французский язык превращался в язык светской корреспонденции. Русские письмовники ориентировали эпистолярную практику на типовые ситуации («К больному человеку», «От отца к сыну, находящемуся в отлучке, увещание к трудам и учению», «К молодому дворянину, чтобы шел

служить в армию» и т. п.¹⁰), на общериторические правила построения эпистолярного текста, этикет коммуникации, ментально-поведенческую субординацию социальных отношений, мало заботясь о языке писем, который – в соответствии с неупорядоченностью разговорной речи¹¹ – отличался налетом архаичности и отсутствием грамматической, лексической и стилистической системности.

К важнейшим же особенностям эпистолярной манеры, популяризируемой французскими *arts épistoliers* и приводимыми в них образцами писем французских эпистолографов (главным образом, XVII века: прециозными посланиями В. Вуатюра и завсегдатаев салона Рамбуйе, письмами Скюдери и маркизы Севинье), относились, в первую очередь, стилистическая сглаженность, «умение выразить самое общее содержание в приятной, изысканной манере <...>, личностный, индивидуальный характер», а также то, что «тончайшие оттенки выражения чувства становились нормой письма, а не исключительной принадлежностью письма литературного и элитарного»¹².

Имплантация этих особенностей французской эпистолярной культуры в русскую бытовую переписку второй половины XVIII века происходила с помощью средств, сходных с процессами внедрения французского языка в культурное общение русского общества. «Эпистолярные галлицизмы» могли входить в русское письмо отдельными вкраплениями или могли полностью организовать его текст. Этому соответствовали и способы использования французского языка в качестве языка переписки. Письма, отвечавшие нормам французской эпистолярности, чаще всего писались, естественно, на французском языке. Однако нередко элементы французской эпистолярной нормы «калькировались» и встраивались в русскоязычные письма, создаваемые в соответствии с русским эпистолярным этикетом. В этом случае в русском тексте письма макаронически появлялись французские слова, выражения и целые периоды, сигнализирующие о сме-

не эпистолярной манеры. Особенно ярким примером соединения двух эпистолярных манер могут служить письма М.Н. Муравьева отцу и сестре.

На сегодняшний день, особенно после появления капитального труда В.Н. Топорова¹³ и работ итальянской исследовательницы Л. Росси¹⁴ наиболее основательно изучена эпистолярно-педагогическая проза писателя (трилогия, включающая «Эмилевы письма», «Обитателя предместия» и «Берновские письма», а также группирующиеся вокруг нее фрагменты и наброски). Одной из самых значимых особенностей «педагогического романа-триптиха» Муравьева в этих интерпретациях оказывается преобладание «эпистолярной формы, благодаря которой события не преподносятся ‘сами по себе, а <...> переломленными через сознание наблюдателя, дающего образец эмоциональной реакции на увиденное и услышанное’. Так, именно **форма писем-дневника** сентиментального человека, **обращенных к другу, который не принимает участия в действии**, обеспечивает отождествление читателя с адресатом и его стремление в этом статусе понять и сочувствовать пишущему, стать на его точку зрения»¹⁵.

Подчеркнутая мною характеристика позиций внутритекстовых адресатов и адресантов трилогии может быть отнесена с полным правом и к частным бытовым письмам родным Муравьева (1776, 1777–1778, 1783–1793 гг.), которые не раз привлекались при изучении становления его художественной прозы¹⁶ и при реконструкции процесса возникновения сентименталистского мироощущения и атмосферы дворянского быта последней трети XVIII века¹⁷. При этом их особенности и стиль, испытавший сильное воздействие как эпистолярных романов С. Ричардсона и Ж.–Ж. Руссо, так и стиля немецких писателей-сентименталистов¹⁸, ставились в контекст литературных поисков писателя без достаточного учета их соотнесенности с эпистолярной нормой бытовой переписки эпохи.

В пачках и тетрадях писем, «исполненных свободным ‘екатерининским’ почерком Михаила Никитича Муравьева и старинной скорописью

папаши Никиты Артамоновича»¹⁹, «Вольтер и ‘ступай, скотина’, Торквато Тассо и ‘хари’, 37 рублей оброку и ‘академия с диоптрикой’, просвещение и старина соединяются, разъединяются, сталкиваются и отталкиваются, образуя пестрые ситуации, характеры, стиль...»²⁰. Точно так же «сталкиваются и отталкиваются» и разные эпистолярные манеры в письмах отцу и сестре 1777–1778 гг. Михаила Муравьева, отправившегося на службу в Петербург. Формально они объединены единством адреса – домой, в Тверь, единством автора и написания и единством листового пространства текста. Но при этом происходит четкая дифференциация адресатов, а тем самым и эпистолярного стиля обращенных к ним частей писем. Неукоснительно соблюдается Муравьевым лишь несколько «правил». Это использование постоянных формул обращения в надписи обеих частей («Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!» и «Милостивая государыня матушка сестрица, Федосья Никитишна!», которое иногда заменяется более интимным «Матушка сестрица Федосья Никитишна») и формул благопожеланий, прощания и подписи в концовке писем.

Однако, если в конце писем к отцу Муравьев использует вполне этикетный и устойчивый, только слегка варьирующийся шаблон («В прочем, прося вашего родительского благословения и желая усерднейше вашего любезного здравия, остаюсь навсегда с глубочайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын Михайло Муравьев»²¹; или «Нижайше прошу, будьте спокойны и веселы. Я целую с истинным моим почтением ваши руки и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга Михайло Муравьев» (260) и т. п.), то тем разнообразнее и свободнее выбор концовки писем к сестре. Здесь встречаются и чувствительные просьбы и заверения в любви, и шуточные обыгрывания формул прощания («Valeas et шалеас» [«Будь здорова и...»], 261), и торопливо брошенные «Прощай» и «Adieu», и нравственные сентенции, и неожиданные обрывы. Так, в письме от 18 февр. 1778 г., расска-

зывая о своем рассеянном образе жизни, Муравьев вдруг сам прерывает свою «тираду» и после троеточия, маркирующего остановку речи, продолжает «Можно ли больше врать? Если бы я был в Твери, так бы приказ общественного призрения взял меня в свое попечение, яко с ума ...» (349). Таким образом, уже на примере использования стандартных формул становится очевидной разность эпистолярных установок, ориентированных на разных адресатов.

Письма Муравьева к отцу написаны как бы в соответствии с канонами русского эпистолярного этикета, предписываемого письмовниками середины XVIII в. Их можно рассматривать как вариант ответа на типовое письмо «От отца к сыну, находящемуся в отлучке, увещевание к трудам и учению», как письма-отчеты «отцу от сына, находящегося в отлучке, об его трудах и успехах в науках и службе». Не случайно сам Муравьев называет их «ведомостями». Он подробно, с фактографической точностью описывает свою поездку, свое житье в Петербурге, свои встречи и исполнение поручений родных, все то, что может представлять интерес для адресата. Однако тематическое многообразие (и соответствующая ему фрагментарность) организуется не сознательно используемым риторическим принципом *variété*, а богатством и пестротой жизненных впечатлений.

Эти полуофициальные «камер-фурьерские записи» отцу приобретают интимно-дневниковый характер, который усиливается регулярностью и непрерывностью переписки. Как М. Муравьев, так и родные практически не пропускают ни одного почтового дня, ни одной okazji, чтобы не обменяться весточками. Это позволяет включать в письма подробные, чуть ли не почасовые отчеты о времяпровождении автора. Отсюда же и почти обязательное упоминание (в начале ответов) о получении или нетерпеливом ожидании писем, по каким-либо причинам не полученных или опаздывающих, или извинение из-за пропуска одного почтового дня. Но и здесь стоит заметить, что эти отсылки имеют в письмах отцу Муравьева скорее

протоколно-риторический характер («Ваше милостивое от 9 числа сего месяца пущенное письмо получил я только теперъ» (273), – пишет он, например, 15 августа 1777) или дают повод для выражения сыновней привязанности («Я должен просить извинения, что движением чувства, которого я не мог умерить, жалуясь, что редко получать могу ваши милостивые письма, встревожил я вас нечаянно. Вы изволите налагать на себя труд писать ко мне дважды в неделю: это мне новая милость, и изъявления любви, ее сопровождающие, объемлют все мои ощущения и не дают желаниям места», 283). Но только в исключительно редких случаях они становятся средством введения «чужого», отцовского слова: «Сей час получаю я ваше наполненное милости письмо, от 16 числа сего месяца, за которое <...> приношу мою искреннейшую благодарность. Я краснею против воли, когда вы увольняете меня от писания к вам дважды в неделю, чтоб не делать лишней траты моего времени. Сим самым вы заставляете меня стараться о употреблении его как можно полезнее» (278).

В результате характеристика адресата, его слова и отношения к нему автора писем реализуются преимущественно в форме, сходной с традиционной эпопеей, – как отвлеченно-идеализированное, типизирующее описание облика любимого и уважаемого отца, озабоченного служебными, светскими и научными успехами сына. Большую конкретность этот облик приобретает опосредствованно, при осмыслении того, о каких сторонах своей жизни пишет или не пишет адресату автор писем. Среди прочего, обращает на себя внимание, что молодой писатель довольно сдержанно и редко делится с отцом мыслями о своих литературных увлечениях или опытах. Не менее значимы с точки зрения характеристики адресата и языковые и стилистические особенности писем М. Муравьева к отцу.

В языковом плане в этих частях писем реализуется письменная форма бытовой речи повседневного общения, впитавшая в себя некоторые лексические и фразеологические элементы других регистров коммуника-

ции (официально-деловой, публицистической и т. п.). Наиболее ощутим (как это видно и из приведенных выше цитат) письменно-книжный характер муравьевских писем в плане синтаксиса. Об этом свидетельствуют достаточно типичные для них сложноподчиненные предложения, инверсированные фразовые построения, отсутствие разговорных синтаксических эллипсисов и т.п. Бросается в глаза – особенно на фоне приписок к сестре – и полное отсутствие иноязычных вкраплений²² и варваризмов. Из этих элементов складывается довольно строго выдержанный, «средний» книжный стиль писем Муравьева к отцу, нюансированный «языком чувствования».

Сравнительно редкие переходы к стилю, отличающемуся от обычного, как правило, специально акцентируются самим автором. Иногда он шутивно осаждаёт свое разгулявшееся перо, переходя на бытовое просторечие («Где я эдак переучился врать? Мне много писать важного, а я мелко чепуху», 260). В других случаях, включая в свои письма литературные миниатюры и нравоучительные рассуждения, Муравьев сам обращает внимание на «экспериментальный» характер таких попыток обогащения собственного эпистолярного стиля. Так, в письме от 6 ноября 1777 года, после лирического описания петербургской природы в солнечный морозный день («Тонкий туман, теряющий почти синеву свою в солнечных лучах, стоял вокруг берегов. Мне было мило, что я петербургский гражданин: вить все делает воображение»²³, 312), в соответствии с традицией жанра «прогулки»²⁴, популярного в просветительской литературе, молодой писатель берется выстроить ряд нравственных аксиом («Чувства наши таковы, что представления столько нас прельщают, сколько мы хотим предаться прельщению и сладостным чувствованиям <...> Природа сама собою ненавидит печальных представлений; но мягкость нравов и воспитание придают нам новые чувства <...>»), чтобы в конце резко оборвать поток отвлеченных рассуждений автоироническим оправданием («... Вот называется

умствовать ни к стати, ни к числу. Но я затем и прошу извинения. Мои письма были бы чересчур одинаковы, хотя я и знаю, что они вам не по достоинству какому-нибудь угодны... В извинении имею я еще менее удачи, нежели в умствовании. Так осталось мне прибегнуть к дарованию рассказчика новостей, в котором я до этого довольно успевал», 313).

Правда, «дарование рассказчика» тоже осмысливается иногда как стилизация, как «преображение некстатива в Газетчика»²⁵. Как видно, наличие отдельных элементов метатекстуальной рефлексии (главным образом, над стилем) появляется в тех сравнительно редких случаях, когда происходит смена стилового регистра, когда сын в письмах к отцу пытается преодолеть их стилевую одноплановость, хотя они – с точки зрения адресата – интересны не «достоинствами», т. е. литературной обработанностью, а экстралингвистическим и информативным наполнением. Вообще же он вводит в них элементы «литературности» – тематические и стилевые – крайне осторожно, не разрушая единство уважительно-делового тона и стиля переписки с отцом.

Этот «полуофициальный» характер поддерживается и способом датировки. У М. Муравьева она – сознательно или случайно – имеет двойственный характер. По отношению к частям писем, предназначенным отцу, написание даты свидетельствовало о соблюдении этикетного характера эпистолярного общения (как выше указывалось, такая датировка должна быть проставлена внизу, рядом с подписью). Однако она же играет роль сепаратора, отграничивающего и в то же время соединяющего обе части. По отношению к последующей за ней приписке к сестре, датировка подготавливает смену эпистолярной установки вообще и как бы подсказывает, что вторая часть соответствует нормам дружеского письма.

Как справедливо отмечают комментаторы, «в отношении Муравьева к сестре в том виде, как оно отражается в переписке 1777–1778 гг., <...> намечается культ дружбы и дружбы именно с женщиной, чувствующей

более тонко и глубоко, чем мужчина, и потому призванной облагораживать душу собеседника»²⁶. Дружескими письмами к женщине можно считать муравьевские письма к сестре не только благодаря тому, что их тематический стержень — это воспроизведение «кистию природы и невинности картины дружбы» (279). В этих частях переписки хорошо выявляется процесс освоения и применения автором конструктивных принципов дружеского письма, в первую очередь, его ориентированности на разговор.

Здесь тоже не много декларативных словесных экспликаций принципа построения письма как «отсутственного разговора»²⁷. В письме к отцу от 28 сент. 1777 г. находим условное обозначение этого мотива: «Ваши письма для меня некоторый род беседы; мне приятно то время, которое я провожу у Михайла Матвеевича или кого-нибудь из тех особ, которых я почитаю: кольми паче ваша беседа, хотя и отсутствующего, должна мне быть вместе приятна и полезна» (298). В рефлексии же об особенностях эпистолярного общения в приписке сестре от 17 авг. уже обнаженно выступает принцип взаимозаменяемости устного геср. письменного модуса речи в письме («поговорить с вами» / «что бы я ни писал» геср. «будете читать») и ситуации общения (присутствие и беседа / написание и чтение). См. текст приписки: «Сколько бы желал я поговорить с вами к удовольствию моего сердца! чтобы чувства его ничего не потеряли в изъяснении! <...> Маленькая бумажка должна их ограничивать: час почты рушит минуты сего приятного забвения, которое меня единственно отдает вашему присутствию и беседе. <...> Но я рассуждаю вместо того, чтобы писать к вам. Меня одно то обнадеживает, зная ваше сердце, что, что бы я ни писал, вы сделаете и натуральным и приятным, когда будете читать» (276). Однако введением, с одной стороны, антитетической игры с обозначениями временных отрезков (час почты vs минуты забвения-беседы), с другой — пространственно-временных топосов письма (час почты, маленькая бумажка) сообщает этому типу общения уничижительно-ограниченное зна-

чение по сравнению с эстетически оцениваемой беседой, идеальный предел которой достигается, по мнению Муравьева, в процессе активно-понимающего и доброжелательного прочтения. «Разговорность» стиля возникает при этом не как установка, а за счет смешения разнородных языковых, лексических, синтаксических и этикетных элементов, создающего впечатление непринужденности и свободы семантических и тематических переходов.

Так, например, можно сказать, что существует определенная взаимозависимость между чередованием кусков текста на французском и русском языке (имеющим параллели и в использовании обращений на «вы», респективно – на «ты») и тематическим строем писем. Чаще всего (кроме случаев терминологического использования) французские слова и предложения появляются, когда Муравьев ищет средства выражения оттенков «чувствований» и нравоучительных размышлений в «приятной и изысканной манере». В письме от 31 августа 1777 г. он начинает приписку сестре описанием своего «эпистолярного усердия», потом делится с ней бытовыми и культурными новостями, а затем вдруг переводит свое писание в совершенно иную систему – языка, стиля, формулы обращения и темы.

«Матушка сестрица! Голубушка Федосья Никитишна!

Что я должен тебе ответствовать на тысячу бумажек, которые теперь вокруг меня лежат. Я хотел бы, чтобы ни одна из них не осталась без ответа (*после этикетного обращения – фрагмент, начинающийся как бы с середины предложения, включающий традиционное «оправдание» письма необходимостью отвечать. – Курсив здесь и далее мой. Д. А.-С.*). В каком кафтане я хожу? Часто ли бываю в театре? (*«Перевод» несобственно-прямой речью чужого слова из письма, на которое отвечает адресант.*) Завтре <...> будут представлять «Дмитрия Самозванца». И я пойду (*ответ на вопросы сестры с эллиптической, разговорной структурой предложения*). Vous étiez

malade, ah! Ma chère amie! Et vous avais eu la cruauté de vous taire. C'était ma simplicité de vous en croire sur votre parole. Après coup, je me ressouvins, que j'ai remarqué à la lecture de votre lettre de 9 d'août la faiblesse de votre seign et des caractères tracés en désordre. <...> Eh! Au nom de Dieu, qu'était-ce que cette maladie? <...> Traitez-moi en ami qui s'intéresse à tout ce qui vous touche et n'ayez pas avec moi cette indigne pitié. <...> Vos sentiments, si purs, si délicats me ravissent l'âme. Aimez-moi, ma chère, je vous aime de tout mon cœur²⁸ <...> *(выражение тревоги и заботы брата реализуется обобщенно-типовой фразеологией эмоциональных состояний и обращением на «вы», характерными для французского эпистолярного стиля).* <...> Чаадаевым поклонись, матушка, от меня...» *(финальные формулы – в соответствии с русским эпистолярным этикетом, причем вновь возвращается обращение на «ты», 283–284).*

Здесь представлены наиболее типичные черты эпистолярного «почерка» Муравьева, реализующегося в письмах сестре. Первая из них – это свободный переход от русского к французскому эпистолярному стилю и этикету, и наоборот. Такой переход может совпадать с границами между разными тематическими фрагментами (пример – в цитированном выше письме). Но не редки и письма, в которых наблюдается макароническое «смешение французского с нижегородским»:

«Вы меня attendrissez <...>; можно ли чтобы я puisse contribuer quelque chose à votre tranquillisation? O ma chère! Une si charmante image pourrait-elle m'être permise? Vous vous souvenez de nos entretiens pendant le café!» (274); «Помнится, что последнее **письмо** к тебе без титула. C'est que je diversifie la chose. Буду <нынче> также без титула. L'uniformité naquit un jour d'ennui. Простите, что это не по-французски»²⁹. *(Парадоксальным образом, при таком смешении языков афористическая мысль, сформулированная хотя и на французском, но с некоторой шероховатостью, которая*

разрушает ожидаемую сглаженность французского стиля, воспринимается самим автором как фраза «не по-французски», 295.)

Смешение может доходить до контаминации французского слова с русским префиксом и написания отчасти латинскими, отчасти славянскими буквами (*Est-ce-t-assez pour une déclaration? Напиши ко мне, намарай, nagriffonne* какое-нибудь прекрасное письмо, и я тебе еще сделаю другую *en forme. Je vous aime et plus aimer aucune ne saurais*»³⁰, 293). Не вдаваясь в дальнейший перечень случаев смены языка и эпистолярного этикета, можно заметить, что между русским и французским типами эпистолярной манеры в письмах Муравьева сестре происходит, как правило, системное распределение тем и стилей.

Итак, на основании рассмотренных до сих пор особенностей писем Муравьева можно было убедиться, что в них легко выделить две коммуникативных установки. Письма отцу создавались в контексте традиционной, социально-иерархически организованной системы семейных отношений, что сказалось как в их содержании, так и в конструируемом ими образе адресата и в конвенциональности их слога, соответствующих русской эпистолярной норме середины XVIII века. Письма сестре, однако, демонстрируют эпистолярную установку более комплексную и неоднозначную, осмысление которой требует дальнейшего анализа.

(Продолжение следует)

¹ Формулировка не случайно заимствована из письма Д.И. Фонвизина. (См. письмо к сестре от 23–24 янв. 1776 г.: *Фонвизин Д.И. Собр. соч.*: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 336). В определенном смысле Фонвизина можно считать репрезентативной фигурой русской эпистолярности второй половины XVIII века. «В творчестве Фонвизина широко представлен жанр послания. Современники считали [его] специалистом в жанре посланий, и его литературный недруг, поэт А.С. Хвостов, написал даже против него сатирическое “Послание к творцу посланий”» (*Берков П.Н.* Н.И. Новиков и его сатирические журналы // Сатирические журналы Н.И. Новикова: «Трутень» 1769–1770; «Пустомеля» 1770; «Живописец» 1772–1773; «Кошелек» 1774 / Ред., вступ. ст. и комм. П.Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 536). Частные письма Фонвизина родителям и сестре, писан-

ные из Петербурга в Москву (1763–1774), в некотором смысле можно рассматривать как более ранний пандан к письмам М.Н. Муравьева. Письма, насыщенные юмористическими зарисовками и сценками, сатирическими портретами современников и критическими замечаниями по поводу официальной, светской и литературной жизни Петербурга, излияниями «чувствительной души» и меланхолическими рассуждениями, судя по ответным реакциям Фонвизина, вызывали у адресата (сестры писателя) ощущение «выдуманности, сделанности». Действительно, оформленность, стилистическая отделка и законченность «олитературивала» письма Фонвизина. Именно поэтому к ним, как и к письмам М.Н. Муравьева, с правом может быть отнесен вывод исследователя: «Литературе XVIII века <...> свойственно стремление сблизить друг с другом два разных явления, принадлежащих словесности – письмо как явление частное и бытовое и литературную прозу как явление, обращенное к читателю и ‘художественное’. <...> Это сближение производилось с двух сторон. Частная переписка ‘олитературивалась’, ориентировалась на эстетически отмеченные элементы; ‘художественная’ же проза, как бы компенсируя некоторую утрату ‘частности’ и ‘бытовости’ в эпистолярном жанре, усваивала себе форму письма, во-первых, и упомянутую ‘частность’ и ‘бытовость’, во-вторых» (*Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. II.: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. I. М., 2001. С. 413).

² Вторая книга, отпечатанная гражданским шрифтом в Амстердаме по приказу Петра, которая на протяжении первой четверти XVIII в. переиздавались еще три раза. Последнее, четвертое издание «Прикладов» вышло в 1725 году.

³ Первый полный перевод на русский язык относится к 1806 г.

⁴ Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. [М.], 1765; Письмовник, содержащий разные письма, прошения, записки по делу, контракты, аттестаты, одобрения, росписки, пропуски и письменный вид крепостным людям, приказ старосте... . СПб., 1788; Кабинетский и купеческий секретарь, или Собрание наилучших и употребительных писем / Сост. И. Сокольский. Ч. 1–3. М., 1788; Новый и полный письмовник или подробное и ясное наставление, как писать... письма / Изд. П.И. Богданович. Ч. 1–2. СПб., 1791. Об этом см.: *Дмитриева Е.Е.* Эпистолярный жанр в творчестве А.С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 21–27.

⁵ Вступление, включающее приветствие, «чтоб войти в благосклонность к кому пишем»; «разговор» и заключение, в котором требовалось «объявлять свое усердие, оказывать желание, приносить прошения к богу о благополучии того, к кому пишем». См.: Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. [М.], 1765. С. 63, 85.

⁶ Чем выше был иерархический статус адресата, тем шире полагалось оставлять поля. Так, например, в письмах царю и великим князьям предписывалось оставлять белой большую половину листа.

⁷ Краткие правила, способствующие к научению сочинять разного рода письма, с приобщением примеров из славнейших писателей и обряда, в письмах употребляемого / Пер. с франц. Н. Новикова. М., 1788.

⁸ *Лазарчук М.Ю.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. С. 21–22.

⁹ Например, в библиотеке Тригорского находились: *Les plus belles lettres françaises sur toutes sortes de sujets, tirées des meilleurs auteurs / Par P. Richelet.* Paris, 1755; *Modèles de lettres sur différents sujets.* Paris, 1774 (*Дмитриева Е.Е.* Указ. соч. С. 203).

¹⁰ См.: Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. [М.], 1765.

¹¹ «Ничего похожего на обработанную разговорную речь, отличающую человека 'изрядной компании' от лишенного 'воспитания' <...>, в России не существовало, поскольку в русской языковой ситуации предшествующего [допетровского и петровского] периода лишь книжный язык обладал культурной ценностью, а язык некнижный лежал вне культуры и фактор социально-культурного престижа в нем не действовал» (Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 220). См. также: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982; Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

¹² Дмитриева Е.Е. Указ. соч. С. 204.

¹³ Топоров В.Н. Указ. соч.

¹⁴ Росси Л. К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // Slavica Tergestina 2. Studia Russica. Triest, 1994. P. 91–115; Росси Л. «Маленькая трилогия» Михаила Муравьева // Russica Romana I. Roma, 1994. P. 51–78.

¹⁵ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 478. Здесь В. Топоров ссылается на статью Л. Росси: Росси Л. «Маленькая трилогия» Михаила Муравьева. P. 51–78.

¹⁶ Лазарчук М.Ю. Указ. соч.; Фоменко И.Ю. Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Русская литература. 1981. № 3. С. 116–130; Фоменко И.Ю. М.Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму: Сб. науч. трудов. Л., 1984. С. 52–70; Бухаркин П.Е. Письма русских писателей XVIII века и развитие прозы (1740–1780 годы): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982; Тетени М. Письма родным М.Н. Муравьева (1777–1778) и их роль в становлении его литературного творчества // Russica. In memoriam E. Valeczky. Budapest. P. 215–231; Росси Л. К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века; Топоров В.Н. Указ. соч.

¹⁷ Эйдельман Н.Я. Твой 18-й век // Эйдельман Н.Я. Твой 18-й век. Прекрасен наш союз... М., 1991.

¹⁸ Bukhs N. Les éléments novateurs dans la prose de M.N. Murav'ev // Revue des Etudes Slaves. LVII/3. Paris. P. 25–32; Лазарчук М.Ю. Указ. соч.

¹⁹ Почти все письма, объединенные в тетради, хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического Музея (Ф. 445), в Рукописном отделе Института русской литературы (Р. II. Оп. 1) и в Гос. Архиве Российской Федерации (Росси Л. К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века. P. 99; Фоменко И.Ю. Из прозаического наследия М.Н. Муравьева). Из основных циклов муравьевских частных писем опубликованы только письма отцу и сестре с мая 1777 по март 1778: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 259–354.

²⁰ Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 158–160.

²¹ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 263. В дальнейшем ссылки на письма М.Н. Муравьева даются по этому источнику с указанием в тексте страниц. (Переводы с французского проверены мной, но коррекции специально не оговариваются.)

²² При осмыслении этой особенности писем, – из-за отсутствия в моем распоряжении точных данных о том, владел ли иностранными языками Муравьев-отец, – можно строить лишь догадки, является ли это вынужденным решением или сознательной установкой на использование только русского языка. С одной стороны, в приписке к сестре по поводу книги Л. Эйлера, вышедшей почти одновременно по-французски и в русском

переводе, Муравьев осторожно намекает на то, что отец сможет прочитать ее только по-русски: «... ежели покупать, который бы ты хотела? Si ce n'est que notre cher père pourrait aussi lire le russe» (300). С другой стороны, не следует забывать, что сестре он все время пишет по-французски в письмах, которые читаются и отцом, а использование непонятого для одного из адресатов языка являлось бы не просто нарушением эпистолярного этикета, но и бестактностью, недопустимой и несовместимой с глубоким уважением и любовью к отцу, которыми пропитаны письма Муравьева.

²³ Здесь признаком «литературности» становится появление слова-сигнала «воображение».

²⁴ О некоторых особенностях жанра см.: *Фоменко И.Ю.* Из прозаического наследия М.Н. Муравьева. С. 121–123. Об «освоение пространства» см.: *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 617–636; о хронотопе прогулки в просветительской литературе и о его истоках – *Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма (1936–1938) // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 232 и сл. Образцами «прогулок» (в частности, для русских писателей конца XVIII в.) стали «Прогулки скептика» («Promenades d'un sceptique», 1747) Д. Дидро и продолжение «Исповеди» Ж.–Ж. Руссо, озаглавленное «Прогулки одинокого мечтателя» [точнее: «Мечтания одинокого прогуливающегося»] («Les rêveries d'un promeneur solitaire», 1776–1778). Сюжетной канвой «прогулки» является разворачивание топографически точного описания пейзажа или ведуты (термин введен А. Флакером), инспирирующих и проблематизирующих внутренний ландшафт нравственных размышлений и переживаний человека, для которого «все, что нас окружает, полно интереса» (*Дидро Д.* Прогулки скептика, или Аллеи // *Дидро Д.* Избранные атеистические произведения. М., 1956. С. 58). У Муравьева, Карамзина и Батюшкова можно найти эпистолярный вариант «прогулки с другом», экстериоризирующий и диалогизирующий медитативный пласт сюжета. «Прогулки» можно рассматривать и как камерный инвариант жанра путешествия, «текстов передвижения» (*Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 617).

²⁵ ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 261. Л. 34. Цит. по: *Фоменко И.Ю.* М.Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля. С. 69.

²⁶ *Кулакова Л.И., Западов В.А.* Комментарий и примечания к письмам М.Н. Муравьева // *Письма русских писателей XVIII века.* Л., 1980. С. 360.

²⁷ Так определяет, в соответствии с традиционной формулировкой, идущей от античных теорий, письмо в своей «Памятной книжке» и А.Т. Болотов, один из современников Муравьева, фиксируя для себя программу эпистолярного общения: «В письмах своих оставляй все церемонии, но пиши натурально, непринужденно, нежно вмешивая небольшие и благопристойные шутки, одним словом, как будто [с другом] <...> персонально говоришь, а паче всего искренно, ибо письма значут отсутственные разговоры» (*Болотов А.Т.* Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных. Кенигсберг, 1761). Цит. по: *Лазарчук М.Ю.* Указ. соч. С. 25–26.

²⁸ Перевод: «Вы были больны, ах, любезный друг мой! И вы имели жестокость молчать. А я простосердечно верил вашему слову. Потом я вспомнил, что заметил при чтении вашего письма от 9 августа неотчетливость подписи и беспорядочность букв. <...> Ради бога, что это за болезнь? <...> Обращайтесь со мной, как с другом, которого интересует все, что касается вас, и не испытывайте ко мне этой недостойной жалости. <...> Ваши чувства, столь чистые, столь деликатные, восхищают мою душу. Любите меня, любезная, а я люблю вас от всего моего сердца».

²⁹ Перевод: «... трогаете <...> чем-нибудь способствовал вашему успокоению? О, любезная моя! Столь прелестный образ может ли мне быть дозволен? Помните ли вы на-

ши беседы за кофеом? ... Я ведь стремлюсь к разнообразию ... Однообразие родилось в тоскливый день».

³⁰ Перевод: «Достаточно ли этого для декларации? <...> черкни (*от фр. griffonner – марапать, царапать, писать небрежно*) <...> по всей форме. Я вас люблю и сильнее любить никого не мог бы».